

латышская литературная форма *Mežputne*), в которых графемой *e* передана на письме фонема /ie/ и графемой *o* — фонема /uo/.

В письменных памятниках XIII—XIV вв. засвидетельствованы топонимы на латгало-селонской территории, в которых наличествует графема *a* вместо ожидаемой графемы *e*, например, *Gulbana* (1224 г.) (современная латышская литературная форма *Gulbene*), *Varšone* (1375 г.), *Varšona* (1389 г.) (современная латышская литературная форма *Varšaine*). Эти данные свидетельствуют, что латгало-селонская позиционная перегласовка $e > a$ и $\bar{e} > \bar{a}$ произошла до 1224 г.

Возможно, что кроме вышеуказанных двух изоглосс в XIII—XIV вв. и по другим изоглоссам различались латгальские и селонские племенные языки, с одной стороны, и земгальский племенной язык, с другой.

Латгальские и селонские племена в XIII—XIV вв. населяли территории, которые в настоящее время являются ареалом распространения латгальских и селонских говоров. Западные соседи латгалов и селонов как в Земгале, так и в Видземе были земгалы, населявшие не только центральную часть Земгале, но и центральную часть Видземе. Западная граница территории латгальского и селонского племен в XIII—XIV вв., судя по данным языка, проходила по той же полосе говоров, которая и в наши дни отделяет латгальско-селонские говоры от среднелатышских говоров.

Среднелатышские говоры Видземе генетически являются продолжением земгальского племенного языка. Возможность латгальского суперстрата в этих говорах не только не исключается, но, судя по языковым данным, вполне реальна. В пользу такого предположения говорят: 1) изолексы, которые объединяют только латгальско-селонские и видземские среднелатышские говоры; 2) некоторые общие топонимы, наличествующие как в ареале латгальских говоров, так и в ареале видземских среднелатышских говоров; 3) наличие этнонима *latgali*, *letgali* с

гласными *a*, *e* в первой части слова. По нашему мнению, гласный *e* наличествовал в западнолатгальском варианте этнонима *letgali*; гласный же *a* как результат первичной позиционной перегласовки $e > a$ (наряду с гласным *o* в некоторых севернолатгальских говорах, чередующимся с западнолатгальским гласным *e*) наличествовал в восточнолатгальском варианте этнонима *latgali*. Варианты указанного этнонима были причиной различного отображения этого этнонима в различных хрониках и названиях латышей в языках соседних народов.

О. Буш (Рига)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЭТНОНИМОВ *kurši* и *zemgali*

Существуют две гипотезы о происхождении этнонима латыш. *kurši*, лит. *kuršiai*. К. Буга и Я. Эндзелин считают наиболее вероятной связь с укр. корс 'чишоба, новь', чешск. *krč* 'карликовое дерево', санскр. *kr̥ṣā-ḥ* 'исхудавший' и т.п. Таким образом, первоначально *kurša* означала либо 'неплодородная земля', либо 'заросшая кустарником земля', либо 'новь, целина' (Būga RR III 251; ME II 325). М. Фасмер сопоставляет этноним *kurši* с чешск. *krčhú* 'левша', кельтск. *kerwos* 'левый' и высказывает предположение, что левый могло означать 'северный' (см. об этом: Būga RR II 235). Кроме того, Л. Кеттунен считает возможным сопоставление ливского *Kurāmō*, эст. *Kuramaa* с ливск., эст. *kurā* 'левый', объясняя это тем, что Курса расположена слева от Даугавы (Kettunen Liv. Wrtb., 167). Й. Казлаускас высказал предположение, что лит. *Kuršas*, латыш. *Kurša* — слова антропонимического (а может быть, и топонимического) происхождения, имеющие корень *kur-* (ср. лит. *kurti*, латыш. *kurt*) и суффикс *-ša-* (Kazlauskas, 1968, 59–63). Обзор этимологий см., например: Kiparsky 1939, 62–64; Kazlauskas 1968, 59–60; Kabelka 1982, 70–71.

Представляется, что пристального внимания заслуживает высказанная И. Казлаускасом мысль о возможном топографическом (т.е. топонимическом) происхождении лит. Kuršas, латыш. Kurša. В Литве встречаются 4 гидронима с элементом Kurš-, причем 3 из них (Kurš-upalis, 2x Kurš-upis) локализованы в Жемайтии, т.е. на бывшей территории куршей. А. Ванагас считает эти гидронимы вторичными, производными от этнонима kuršis или соответствующей фамилии (Vanagas, 1981, 175), И. Казлаускас же возводит эти названия к лит. (жемайтскому) диалектизму kuršas 'крюк' (op. cit. 60). Если хотя бы в отношении одного гидронима ближе к истине предположение И. Казлаускаса (или любая другая гипотеза, объясняющая происхождение гидронима с Kurš- без возведения к этнониму или антропониму), то вполне допустимо происхождение этнонима kurši от данного гидронима (вероятность этимологической связи упомянутых гидронимов с апеллятивом kuršas 'крюк' поддерживается наличием семантических параллелей — как приводимых в статье И. Казлаускаса, так и других гидронимов с мотивационным значением извилистости, например, названий рек с корнем Ring-, Rig-).

Этноним zemgali К. Буга и Я. Эндзелин (и вслед за ними большинство балтистов) возводят к корню ziem- < *žeim- 'зима; север', т.е. zemgali = 'живущие на севере (к северу от других балтов)' (Buga RR II 106-107; Endzelins DI III₁ 419). Существует также гипотеза о связи данного этнонима (а также лит. žemaičiai) с лит. žeme, латыш. zeme 'земля' (Гринавицис, 1968, 45-50). Представляется вполне вероятным, что посредствующим звеном между упомянутым корнем со значением 'зима; север' и этнонимом мог быть гидроним, например, žeimikē в Тельшяйском р-не, расположенном относительно недалеко от исторической Земгалии, или даже žeimena, локализованная значительно южнее, в Швенчёнском р-не, поскольку в первой половине I тысячелетия н.э. земгалы могли населять эту территорию (ср. Buga RR III 732). Проис-

хождение упомянутых гидронимов, по-видимому, связано с мотивационным значением 'холодный' (Vanagas, 1981, 399); данное значение типично для названий рек (в Литве, например, с основой šalt- насчитывается более 40 потамонимов, не считая тех, которые возводятся к šaltinis 'источник' (Vanagas, 1981, 325), поэтому в ареале, где упоминалась сема входила в семантику корня *žeim-, вполне могли существовать и другие, ныне забытые, гидронимы с данным корнем. Любопытно отметить, что гипотеза гидронимического происхождения этнонима zemgali делает данное слово полным структурным аналогом этнонима latgali (< гидронимического корня Lat-).

Гипотеза о гидронимическом происхождении этнонимов kurši и zemgali не опровергает наиболее убедительные из прежних этимологий, но имеет право на существование наряду с ними. Степень достоверности предложенных гипотез увеличивается тем, что и целый ряд других балтийских этнонимов, по-видимому, восходит к гидронимам (latvieši, lietuvieši, jātvingi, sudavi, skalvi, zēli и другие. См.: Kuzavinis, 1966, 177-180; Buga RR III 154), а переход гидронимов в этнонимы можно в определенной степени считать ономастической универсалией (сравни, например, Бондалетов, 1983, 171).

Л. Ваба (Таллин)

ПРОБЛЕМА ЛАТЫШСКИХ ЗАЙМСТВОВАНИЙ В ЭСТОНСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ

Фон заимствования. В эстонском языке можно выделить по меньшей мере два вида профессиональной лексики, в которой встречаются заимствования латышского происхождения — у мореходов Хяэдемеесте и сплавщиков Харгла. Хяэдемеесте и Харгла расположены в непосредственном соседстве с Латвией, бывший